

КНИГИ МАРИ БЕНЕДИКТ,
ПУБЛИКУЕМЫЕ СОВМЕСТНО ИЗДАТЕЛЬСТВАМИ
«АЗБУКА» И «СТРОКИ»



ТОЖЕ ЭЙНШТЕЙН
ГОРНИЧНАЯ КАРНЕГИ
ЕЕ СКРЫТЫЙ ГЕНИЙ
ВЕРНОСТЬ СЕСТЕР МИТФОРД

Мари Бенедикт

ЕЕ СКРЫТЫЙ ГЕНИЙ

В ПЕРЕВОДЕ
АННЫ БАБЯШКИНОЙ



МОСКВА



АЗБУКА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б 46

Marie Benedict
HER HIDDEN GENIUS

This edition published by arrangement
with Laura Dail Literary Agency, Inc and Synopsis Literary Agency.
Copyright © 2022 by Marie Benedict
All rights reserved

Перевод с английского Анны Бабяшкиной

Оформление обложки Виктории Манацковой

Книга подготовлена совместно издательствами
«Строки» и «Азбука».

Текст публикуется в редакции издательства «Азбука».



ISBN 978-5-389-30032-3
ISBN 978-5-00216-433-2

© Бабяшкина А., перевод, 2025
© Издание на русском языке. Строки, 2025
© Оформление.
ООО «Издательство АЗБУКА», 2025
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

*3 февраля 1947 года
Париж, Франция*

Легкая дымка витает над Сеной в утреннем воздухе. «Странно, — думаю я. — Она не желтая, как туман, плывущий над мутной Темзой дома, в Лондоне, а голубая, словно яйцо дрозда». Может ли быть, что эта дымка легче тумана, в ней меньше молекул воды, меньше плотность из-за того, что Сена более чистая? Я в восторге от этого сочетания неба и земли, дух захватывает даже зимой, когда шпили собора Парижской Богоматери возвышаются над тонкими клочьями облаков. Папа называл бы это соприкосновением небесного и бренного, но я верю в науку, а не в Бога.

Я выбрасываю из головы мысли о семье и пытаюсь просто насладиться прогулкой от своей квартиры, что в Шестом округе, до Четвертого. С каждым пройденным кварталом все меньше становится левобережных кафе с выставленными на тротуар столиками, заполненными даже в понедельник,

ранним февральским утром, и когда я перехожу через Сену, попадаю в упорядоченный, элегантный мир Правого Берега. И хотя два округа так отличаются, в обоих видны следы войны — поврежденные здания, все еще настороженные горожане. Дóма так же, хотя в Париже, похоже, люди пострадали сильнее, чем строения; возможно, призраки нацистской оккупации все еще витают между ними.

Странный вопрос, который, я уверена, не имеет никакой научной подоплеки, тревожит мой ум: когда нацисты стреляли в мирных французов и ни в чем не повинных евреев, могли ли молекулы немецких солдат через посылаемые ими патроны проникнуть в жертв? Неужели Париж полон не только зримых напоминаний о войне, но еще и пронизан микроскопическими ее свидетельствами, таким смешением нападавших и их жертв, которое привело бы в ужас нацистов? Способен ли даже тщательный анализ обнаружить разницу между останками немцев и евреев?

Сомневаюсь, что подобное исследование принесло бы премию Жану Перрену, французскому физику, выигравшему в 1926 году Нобелевку за доказательство существования молекул. «Подумать только, — напоминаю я себе, встряхнув головой, — еще двадцать лет назад само существование этой субвселенной, главной темы моей работы, было под вопросом».

Я ненадолго замираю у здания Центральной лаборатории государственной химической службы, разглядываю его в замешательстве. Неужели

это и есть уважаемый химический научный центр? Здание несет на себе следы старины, но не той респектабельной и величавой, какой я ожидала от организации, которая провела столь выдающиеся новаторские исследования. Оно похоже на самую заурядную административную постройку. Поднимаясь по ступенькам парадного входа, я почти слышу, как ворчит отец. «Упорный труд и верность науке весьма похвальны, — говорит он. — Но зачем соглашаться на должность в Париже, который все еще оправляется от оккупации и ужасных потерь? В месте, где недавно правили нацисты, — последние слова он произнес с нажимом, — хранящем следы их зверств?» Я прогоняю папу из своих мыслей.

— *Bonjour*, — приветствую я по-французски секретаршу. — *Je m'appelle Rosalind Franklin, et j'ai un rendez-vous*¹.

Кажется, мой голос звучит слишком хрипло, а мой французский — слишком шаблонно. Но элегантно одетая девушка с ярко-красными губами и тонкой талией, перехваченной толстым кожаным ремнем, отвечает непринужденно, доброжелательно улыбаясь:

— *Ah, bienvenue! Monsieur Mathieu vous attend*².

— Сам месье Матьё ждет меня? — выпаливаю я, не успев даже задуматься над своими словами, а стоило бы.

Если я не буду выдерживать пауз, чтобы обдумать ответ, то в более напряженной ситуации меня

¹ Здравствуйте... Меня зовут Розалинд Франклин, и у меня назначена встреча (фр.).

² Добро пожаловать! Месье Матьё ждет вас (фр.).

могут счесть слишком уж резкой, задирой. Всему виной семейное воспитание — родители всегда поощряли разговоры и дебаты, даже с дочерью, особенно отец, который был мастером и в том и в другом.

— Конечно, сам месье Матьё! — раздается голос из другого конца холла, и я оборачиваюсь, чтобы увидеть знакомую фигуру, шагающую в мою сторону и протягивающую руку для приветствия. — Разве я мог не встретить должным образом нашу новую *chercheur*? Добро пожаловать в Париж!

— Какая честь и какая неожиданность, — отвечаю я старшему научному сотруднику Министерства обороны, который активно участвует в правительственных разработках. Думаю о том, как прекрасно звучит звание *chercheur*, то есть «исследователь», когда его произносит тот, для кого французский — родной язык. Несмотря на то что на бумаге оно выглядит не так внушительно, как моя предыдущая должность помощника исследователя в Британской исследовательской ассоциации по использованию угля (мы называли ее просто БИАПИУ), на слух невероятно привлекательно и экзотично. — Не ожидала увидеть вас в свой первый же рабочий день.

— Вы подопечная моей дорогой подруги, мадам Адриенн Вайль, и я не хочу разочаровать и тем прогневать ее, — усмехается он, и я улыбаюсь в ответ этому поразительно задорному джентльмену, известному своими научными достижениями и участием в Сопротивлении во время войны.

Дружба с Адриенн, французской исследовательницей, с которой я познакомилась еще в Кембрид-

же, принесла мне много приятных сюрпризов, знакомство с месье Матьё — один из них, и случилось оно как нельзя кстати.

— Вы и мадам Вайль так заботитесь обо мне, — отвечаю я, вспоминая все, что подруга сделала для меня за эти годы. — Вы помогли мне получить эту должность, а она нашла мне квартиру.

— Исключительному уму — исключительное отношение, — серьезно, уже без улыбки, говорит он. — Увидев, как вы представляли в Королевском институте Лондона свою работу, играючи упорядочивая хаотичный мир угля, а затем на лету исправили анализ рентгенограмм другого докладчика, я не мог не предложить вам должность. Как мы могли упустить шанс заполучить *chercheur* с таким искусным пониманием *trous dans le charbon*? — Он на секунду задумывается и снова улыбается. — Или пористости угля, я слышал, вы так это называете?

Его от души веселят и моя формулировка «пористость угля», и это воспоминание. Напряжение отпускает меня. Ведь когда я поднялась на конференции в Королевском институте, чтобы указать на недостатки в данных докладчика, не все отнеслись к этому благосклонно. Двое ученых из аудитории попросили меня сесть, один даже закричал: «Женщинам следует знать свое место», а на лицах других читалось недоумение. И не из-за того, что двое ученых поспорили, а из-за того, что я дерзнула исправить ошибку коллеги-мужчины.

Отсмеявшись, он хвалит мои исследования микроструктуры угля. Я действительно проводила экс-

перимент по собственному методу и использовала необычный способ измерения пористости с помощью молекулы гелия, но не могу сказать, что в результате удалось упорядочить все знания об угле.

— Вы же понимаете, что я могу применить свои методы не только к углю? — предлагаю я и думаю о том, как удивилась бы моя семья, увидев этот бойкий обмен репликами.

Почему-то непринужденная беседа на французском дается мне легче, чем на английском, на котором у меня так складно не получается, — на нем я или слишком застенчива, или чересчур прямолинейна. Кажется, французский язык сам ведет меня и сглаживает мою резкость.

— На это мы и рассчитываем, — восклицает он. Смех утих, но месье Матьё по-прежнему улыбается и добавляет: — Хотя скоро вы поймете, что в послевоенной Франции хорошую квартиру найти труднее, чем хорошую научную должность, и будете гораздо признательнее Вайль, чем мне.

Я знаю, какая удача, что Адриенн смогла для меня снять комнату в огромной квартире на рю Гарансьер, всего в нескольких кварталах от таких популярных на Левом Берегу мест, как «Кафе де Флор» и «Ле Дё Маго». Владелица квартиры, строгая вдова профессора, которая все еще носит черное траурное платье и предпочитает, чтобы к ней обращались просто «мадам», согласилась принять меня по просьбе Адриенн, работавшей вместе с ее покойным мужем, — иначе в Париже почти невозможно найти жилье. И не важно, что ванну

можно принимать лишь раз в неделю, а на кухню заходить только по вечерам, зато потолки в квартире высокие, а одну из спален переделали в библиотеку со стеллажами вдоль всех стен — просто мечта.

— Прошу вас. — Он жестом указывает на длинный коридор, ведущий из вестибюля. — Месье Жак Меринг с нетерпением ждет свою новую *chercheur*.

Месье Матьё ведет меня сквозь лабиринт коридоров, мимо трех групп исследователей в белых халатах, среди которых, к моему изумлению, оказываются и женщины. Я слышала, что французы ценят интеллект превыше всего — независимо от того, мужской он или женский, — но всегда думала, что это лишь слова, поскольку так говорили сами французы. Но невозможно не заметить, как много женщин здесь работает, и это поражает меня, ведь на моем прежнем месте работы в БИАПИУ такого не было.

Наконец мы останавливаемся. Перед нами открытая дверь, за которой тянется просторное, заполненное черными лабораторными столами и оборудованием помещение, похожее на улей с ро-ем ученых, так увлеченных своими делами, что они, кажется, даже не замечают нашего присутствия. Шум научных приборов и умы, занятые передовыми исследованиями, — для меня это словно симфония. Я не верю в загробную жизнь, но, если бы верила, она была бы похожа на это место.

Внезапно один из мужчин поднимает взгляд. Его яркие зеленые глаза встречаются с моими,

и в их уголках появляются лучики-морщинки — он улыбается. Улыбка не сходит с его губ, когда он подходит к нам, и его высокие скулы становятся еще более выразительными. Я не могу не улыбнуться в ответ; его радость заразительна.

— Мадемуазель Франклин, мы с нетерпением ждали вас в Париже, — говорит мужчина. — Доктор Франклин, я имею в виду.

— Да, доктор Франклин, — подхватывает месье Матьё. — Позвольте представить вам главу лаборатории, в которой вы будете работать. Это месье Жак Меринг.

— Приятно познакомиться. — Месье Меринг здоровается со мной за руку. — Мы очень вам рады.

От этого теплого приема у меня перехватывает дыхание, я думаю: «Кажется, я наконец оказалась там, где нужно».

ГЛАВА 2

3 февраля 1947 года
Париж, Франция

— Позвольте мне познакомить вас с нашей *labo*, — говорит месье Меринг с улыбкой и величественным жестом обводит помещение.

Вместе с месье Матьё они ведут меня от стола к столу, запросто отвлекая *chercheurs* и ассистентов от работы, — так естественно и доброжелательно, что те с удовольствием им отвечают. «Как отличается отношение месье Меринга к сотрудникам от подхода профессора Норриша в Кембридже или даже доктора Бэнгема в БИАПИУ», — думаю я с легким содроганием при воспоминаниях.

Меня провожают к пустующему длинному черному лабораторному столу в углу комнаты, мой новый начальник садится рядом на табуретку. Месье Матьё разглядывает нас, а месье Меринг продолжает:

— Ваш революционный анализ атомной структуры угля произвел на нас впечатление, как, я уверен,

вам уже рассказал месье Матьё. Ваши новаторские методы экспериментов позволили проникнуть в структуру угля и помогли нам понять различия между его видами. Мы надеемся, что наши уникальные технологии предоставят вам возможность зайти еще дальше в изучении микромира, а конкретнее — углеродов. Месье Матьё, как вы знаете, один из ведущих экспертов в рентгеноструктурном анализе, и, к моему счастью, он был моим учителем. Я надеюсь стать вашим.

Его поразительная прямолинейность трогает меня. Я не привыкла, чтобы коллеги-ученые разговаривали так, словно они рады работать со мной. Обычно совсем наоборот.

Поглядывая на каждого из джентльменов, я отвечаю:

— Сочту за честь. Не терпится узнать вашу технологию и увидеть, к чему она меня приведет.

С тех пор как я познакомилась с месье Матьё три месяца назад, я мечтала о том, какие молекулярные миры смогу обнаружить, используя новый научный подход. Он заключается в том, что узкий рентгеновский луч направляется на кристаллическую решетку, в которой удерживаются атомы, и дифракция лучей оставляет отпечаток на фотопленке. Сделав несколько фотографий под разными углами и в разных условиях, а после изучив рисунки и измерив дифракцию лучей, ученые могут рассчитать атомную и молекулярную трехмерную структуру вещества. Я не смела и надеяться, что Матьё и месье Меринг захотят привлечь меня к этим исследованиям.

— Мы тоже сочтем за честь, — вступает месье Матьё. — Наша лаборатория не преследует конкретных промышленных целей. Мы считаем, что если мы предоставим нашим ученым свободу исследований в соответствии с их интересами и талантами, то найдем применение этим открытиям. Не сомневаемся, соединение ваших навыков и наших технологий принесет огромную пользу.

Месье Матьё прощается и уходит, а к месье Мерингу подходит один из *chercheur* и увлекает в сторону; я остаюсь одна на своем рабочем месте. Здесь стоит такое же оборудование, которое я видела на столах других *chercheur*: мощный микроскоп, множество колбочек и пробирок с реактивами, предметные стекла и горелка Бунзена, но рядом с раковиной лежит стопка бумаг, подготовленная специально для меня. Перелистывая их, я вижу, что это отчеты о проектах других *chercheur* лаборатории и самого месье Меринга. Я сажусь и погружаюсь в описания изящных исследований Меринга, связанных с глиной, кремнеземом и другими замечательными материалами, с использованием методов рентгеновской дифракции; если он передаст мне хотя бы часть своих навыков в кристаллографии, для меня он станет прекрасным учителем. Когда отрываюсь от чтения, обнаруживаю, что прошло уже два часа. Мое заветное желание — освоить этот язык, который может мне подарить рентгеновская кристаллография, а затем применить его на практике ко множеству веществ. Сколько микроскопических миров я смогу открыть? Миров, которые расскажут нам о самой сути жизни.

Минуты бегут, а я продолжаю изучать материалы о проектах лаборатории. Чувствую, что проголодалась, но не обращаю внимания. Если не давать будничным потребностям проникать в сознание, если думать, что они не мои, а кого-то другого, то они не помешают мне концентрироваться на текущих задачах. Да и где и с кем я могла бы тут пообедать? В БИАПИУ я привыкла есть принесенный из дома обед в одиночестве за наскоро протертым лабораторным столом, пока мои коллеги-мужчины отправлялись в местный паб. Но, несмотря на такое отчуждение, я понимала, что мне повезло применять свои знания ради победы в войне, а не трудиться на полях в Женской земледельческой армии, как настаивал мой отец.

— Мадемуазель Франклин? — Чей-то голос окликает меня, и я чувствую прикосновение к своему плечу.

Я неохотно отвожу взгляд от материалов и вижу молодую женщину в лабораторном халате, похоже тоже *chercheur*. Ее яркие синие глаза кажутся еще больше из-за толстых стекол очков.

— *Oui*? — отвечаю я.

— Мы надеемся, вы присоединитесь к нам за обедом. — Она указывает на группу людей в белых халатах, собравшихся рядом; кажется, их целая дюжина.

«Интересно, давно ли они тут стоят и пытаются привлечь мое внимание», — думаю я. Мама всегда говорила, что реальный мир перестает для меня существовать, когда я погружаюсь в «свою науку».

После отстраненности коллег по БИАПИУ и Кембриджу, где я часто была единственной женщиной

в лаборатории или на занятиях в окружении не замечающих меня мужчин, я даже не знаю, как себя вести. Они искренне хотят, чтобы я пошла с ними, или это просто такой неловкий протокольный жест? Я не хочу, чтобы кто-то возился со мной, потому что обязан. Я привыкла работать и обедать в одиночестве и заранее приготовилась к этому, покидая Лондон.

— Обед? — вырывается у меня — опять прежде, чем я успеваю обдумать свои слова.

— Вы же едите, правда? — мягко спрашивает девушка.

— О да, конечно.

Один из мужчин добавляет:

— Почти каждый день мы обедаем в «Шез Со-ланж»...

— А потом у нас особый ритуал, о котором мы вам еще расскажем, — перебивает женщина.

Волна коллег подхватывает меня и уносит из здания на другой берег Сены, и по дороге я упиваюсь их оживленными разговорами и жестами. По сравнению с этой лучезарной обстановкой и бойкими парижанами Лондон и его жители выглядят мрачными. Почему люди, которые лично пострадали от оккупации и зверств нацистов, кажутся более исполненными надежд и радости, чем те, кого это непосредственно не коснулось? Не то чтобы я сбрасывала со счетов ужасные человеческие жертвы, которые понес английский народ во время бомбежек и на полях сражений, но нам, в отличие от парижан, не приходилось смотреть, как по улицам нашего города маршируют фашисты.

По пути к ресторану я слушаю, как двое *chercheurs* — мужчина и женщина — обсуждают эссе,

опубликованное в политическом журнале *Les Temps modernes*, который редактируют Симона де Бовуар и Жан-Поль Сартр. Я слышала об этих авторах, однако почти не знакома с их работами, и меня восхищает, как двое ученых высказывают совершенно разные взгляды на эссе и при этом дружелюбно смеются в конце спора. Эти неунывающие люди не произносят ни одного слова попусту.

За традиционным французским *déjeuner*¹ с кашею и салатом я молча прислушиваюсь к дискуссии, которая переходит от Сартра и де Бовуар к текущей политической ситуации во Франции. Спор ведется доброжелательно, в него вступают и мужчины, и женщины, и меня поражает свободный обмен идеями между полами; красноречивое изложение позиции, кажется, ценится независимо от того, кто говорит. Женщины-ученые не напускают на себя ложную скромность и не впадают в агрессивную категоричность, как распространено в Англии за пределами школ для девочек, вроде школы Святого Павла, где я училась. Я не ожидала, что во французском обществе так заведено. Этот французский стиль общения очень похож на принятый в семье Франклин, который большинству англичан казался странным.

— А вы что думаете, мадемуазель Франклин?

— Пожалуйста, зовите меня Розалинд.

Я заметила, что они обращаются друг к другу просто по именам, хотя спроси меня — я не вспомню, кого и как зовут, но не хочу, чтобы со мной церемонились. И уж конечно, я не буду настаивать

¹ Обед (фр.).

на формальном и более приемлемом обращении «доктор».

— Так что же, Розалинд? — спрашивает одна из женщин, кажется Женестьева. — Что вы об этом думаете? Стоит ли Франции пойти по пути США или Советского Союза, выбирая политическое устройство? Какой строй подойдет нашей стране, восстающей из пепла после нацистской разрухи?

— Сомневаюсь, что мне нравится хоть один из этих вариантов.

Двое мужчин, Ален и Габриэль, если я правильно запомнила, самые ярые сторонники противоположных позиций, переглядываются. Ален спрашивает:

— Что вы имеете в виду?

— Да, скажите нам, как вы считаете?

Неужели им и правда важно мое мнение? За пределами нашей семьи мужчины редко проявляют большой интерес к моим взглядам — на науку или что-либо еще.

— Что ж. — Я позволяю себе помедлить и сойтаться с мыслями.

Этой хитрости меня научила в детстве няня Гриффитс, которая бесчисленное количество раз наблюдала, как я произношу первое, что приходит в голову. Однако сейчас я решаю не прятать свои чувства и отношение.

— И Америка, и Советский Союз вступили на скользкий путь, накапливая все бóльшие запасы оружия и создавая все более смертоносные машины. Может, достаточно уже войн и кровопролития? Может, пришла пора искать, что нас объединяет, а не разделяет? — Голос мой звучит все громче,

Бенедикт М.

Б 46 Ее скрытый гений : роман / Мари Бенедикт ; пер. с англ. А. Бабяшкиной. — СПб. : Азбука, Издательство АЗБУКА ; М. : Строки, 2026. — 384 с.

ISBN 978-5-389-30032-3

ISBN 978-5-00216-433-2

Она разгадала секрет самой жизни. Они присвоили ее открытие.

Англия. 1950-е годы. В тесных лабораториях Королевского колледжа разворачивается безжалостная гонка. На кону ни больше ни меньше — Нобелевская премия за открытие структуры ДНК. Блестящий биофизик Розалинд Франклин — первая, кто получает четкое изображение таинственной молекулы жизни. Она уверена, что победит, и играет по-честному. Но миру науки, в который она попадает после поспешного отъезда из Франции, чужда честность. Зато не чуждо тщеславие. Коллеги-мужчины видят в методичности Розалинд лишь досадное препятствие на пути к заветной славе. Морис Уилкинс, уязвленный успехами ученого, уже ищет союзников, а в Кембридже амбициозные Джеймс Уотсон и Фрэнсис Крик вовсю плетут интриги. Втроем они спешат построить модель ДНК и навсегда вписать свои имена в историю, оставив гений Розалинд скрытым от мира. Мари Бенедикт, автор многочисленных бестселлеров, переведенных на три десятка языков, написала роман о выдающейся женщине, расшифровавшей одну из главных загадок Вселенной, и о горькой цене, которую ей пришлось за это заплатить.

Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

МАРИ БЕНЕДИКТ
ЕЕ СКРЫТЫЙ ГЕНИЙ

«СТРОКИ»

Руководитель контента Екатерина Панченко
Ведущий редактор Мария Логинова
Литературный редактор Любовь Сумм
Научный редактор Виктория Гудкова
Корректоры Екатерина Назарова, Анна Быкова
Специалист по международным правам Наталия Полева

«АЗБУКА»

Ответственный редактор Мадина Долаева
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Анна Марченко, Валентина Гончар

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 30.10.2025.
Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆. Печать офсетная. Тираж 5057 экз.
Усл. печ. л. 23,52. Заказ №

Изготовитель:	Өндіруші:
ООО «Издательство АЗБУКА» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	«АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательство АЗБУКА» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А, Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург қ. «АЗБУКА Баспасы» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru	www.azbooka.ru
Отпечатано в России.	Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <https://certification.atticus-group.ru/>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)



Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт», 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А. www.pareto-print.ru



Y-SPA-39183-01-R